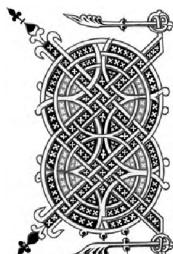

НАУЧНЫЕ СООБЩЕНИЯ

А. М. Любомудров

Православные писатели русского зарубежья: имена известные и забытые

Взаимоотношения творчества и религии — тема, которая широко обсуждается в отечественной филологии, в вузовской и школьной практике. Ни у кого нет сомнений, что элементы христианской традиции присутствуют в художественной литературе Нового времени. Споры идут о другом: способна ли эта традиция стать определяющей основой творчества художника. Иными словами, возможна ли *православная художественная литература*? Существуют две крайние противоположные точки зрения. Согласно одной, такая литература несостоительна. Религия и светское творчество — слишком разные, внеположные сферы, попытки их соединения ведут к утрате художественности, превращают литературу в проповедь. С другой стороны, подчас едва ли не всю отечественную классику называют христианской, но благое намерение исследователей — отстоять ценности веры — приводит к насильтственному и неоправданному «укладыванию» литературного произведения в христианскую парадигму. Это другая крайность — «православие без берегов».

Говорить о том, что вся русская классика опиралась на евангельские истины, конечно, нельзя, а присутствие отдельных элементов (например, этических) вероучения еще не делает произведение «христианским». Какую же литературу можно в точном смысле слова называть православной? На наш взгляд, главный признак — воплощенное автором *православное мироотношение*. То есть такое миропонимание, которое основывается на христианском учении о мире, о человеке, об истории и вечности. Такое произведение так или иначе отражает высшую, духовную реальность, учитывает ее действительное присутствие в бытии.

Отношения русской литературы с христианской традицией, если говорить о литературе

Нового времени, были непростыми. Но в двадцатом веке свершилось событие, значение которого трудно переоценить: русская художественная литература, светская по духу, открыла мир православия. Произошло это в России зарубежной. Нужны были потрясения революционных лет, тяготы изгнанничества, чтобы художники, навсегда разлученные с родиной земной, обрели родину духовную — Святую Русь. Таких, правда, было немного. Но главное, что в нашей литературе появились писатели, которых можно без оговорок назвать *православными*. Духовный, христианский реализм нашел многогранное воплощение в их творчестве. Вместе с тем эти художники очень разные — по манере, стилю, эстетическим принципам, темпераменту, тематическим предпочтениям. Их опыт говорит о том, что единое православное мировоззрение может быть выражено в самых разных художественных формах. Тем интереснее сопоставить их творчество.

Нет необходимости детально останавливаться на фигурах двух классиков русской литературы, писателей первого ряда, Б. Зайцева и И. Шмелева. Сегодня их наследие уже хорошо освоено. Назовем лишь самые главные моменты.

Открывать миру спасительные духовные сокровища Святой Руси, нести частицы евангельской Истины собратьям, выполнять духовно-просветительскую работу — такова была сознательная установка **Бориса Константиновича Зайцева** (1881—1972). Задача, сложная для мирянина и вдвойне сложная для художника. «Светский, но православный» — вот точное самоопределение Зайцева. Свою „проповедь“ он осуществлял эстетическими средствами, среди которых важнейшее — импрессионизм, передача чувства, ощущения. Он избегает прямых нравоучений, понимая, что Истину невозможно доказать, как математическую теорему, но ее

можно *пережить*. Установка на переживание Истины была вполне сознательна, и среди заметок писателя встречается ее теоретическое обоснование. «Полнейший образ красоты искусства всегда говорит „да“, всегда за Божье дело, если у него и нет напора боевого. Оно радует, веселит сердце чистым и возвышенным веселием», — писал Зайцев о Пушкине, но эти же слова всецело относятся и к его собственному творчеству¹.

Задачу воцерковления искусства слова и приобщение читателя к ценностям православия Зайцев реализовал во всех прозаических жанрах: романе («Золотой узор», «Дом в Пасси»), автобиографической прозе (тетralогия «Путешествие Глеба»), рассказе («Река времен»), житии («Преподобный Сергий Радонежский»), паломничестве («Афон», «Валаам»), в многочисленных очерках, эссе, литературно-критических и документально-публицистических заметках.

Православие Зайцева — иноческое, просветленное, созерцательное, с присущими ему скропленным внутренним деланием и благообразно-смиренным обликом. В его произведениях присутствует красота мира Божия, безграничное доверие Творцу. В художественном мире Зайцева главенствует любовь, предчувствие вечного Царства Небесного, нескончаемой радости. Важнейшей художественной доминантой является Свет как символ света Фаворского, нетварных Божественных энергий, преображающих мир.

В противоположность Зайцеву, **Иван Сергеевич Шмелев** (1873—1950) показал нам страстное борение человеческой души, ищущей Бога; в его книгах разворачивается битва света и тьмы, картины греховных искушений и их преодоления, — то есть всесторонне воссоздана *духовная брань*. Шмелев касается «вечных» вопросов: откуда в мире зло, в чем смысл страдания, есть ли Бог и чего он ждет от человека. Эти темы, а также огромное сострадание к людям сближают Шмелева с Достоевским. В книгах писателя можно найти всю гамму душевных переживаний, сердечных чувств, эмоциональных состояний, рождающихся от веры. Христианская вера в художественном мире Шмелева в меньшей степени мистична, в большей степени — «материальна», зрина, воплощена. В противовес облегченному от плоти православию Зайцева, православие Шмелева всегда прочно облечено в вещную материю, быт, обряд.

Шмелев впервые в русской литературе широко и полно запечатлел воцерковленное бытие («Лето

Господне», «Богомолье», «Старый Валаам»). Жизнь его персонажей неразрывно сопряжена с Церковью, ориентирована на мистическое соучастие в ней. Особенность духовного реализма Шмелева — прямое отображение действия Промысла Божия в судьбах людей. Персональная Воля Всевышнего непосредственно становится одной из действующих сил (можно даже сказать, «действующим лицом») художественного произведения («Няня из Москвы», «Пути Небесные», «Куликово поле»). Шмелев впервые широко ввел в литературу чудо как непосредственное действие Промысла в мире, как духовную реальность.

Наследие двух художников являет два лика русского Православия, каждый из которых — подлинный, ибо открывает одну из сторон единой веры. Обратимся к писателям зарубежья, которые не занимают первых мест в учебниках и словарях и меньше известны современному российскому читателю.

Имя **Леонида Федоровича Зурова** (1902—1971) чаще упоминают в связи с Иваном Буниным: он был личным секретарем признанного мастера слова. Зуров занимал пост председателя Союза молодых писателей в Париже, оставив память о себе как доброжелательном и справедливом человеке. К сожалению, облик литератора оказался искажен в нашумевшем фильме «Дневник его жены». Мало кому известно, что Зуров был глубоко воцерковленным человеком и самобытным прозаиком.

Молодой автор вошел в литературу вполне зрелым художником, со своим сформировавшимся стилем и мировоззрением. Мы знаем, сколь важную роль в судьбе православных писателей — Гоголя и Достоевского, Шмелева и Зайцева — играли монастыри. Не стал исключением и Зуров. Он несколько раз посещал Псково-Печорскую обитель, где работал в архиве, изучал летописи, а также провел реконструкцию древней надвратной церкви Николы Ратного, заслужив благодарность братии. Паломнические впечатления писателя отражены им в зарисовках, объединенных заглавием «Обитель». Повесть Л. Зурова «Отчина» (1928) посвящена истории монастыря в трудные годы Ливонской войны и похода Ивана Грозного на Псков. Писатель запечатлел крестный путь Руси, которая предстает у Зурова как земля святая, осеняемая иконами, оглашаемая колокольным звоном и молитвенным пением. В повести явно ощущается летописный подтекст, художествен-

¹ Зайцев Б. К. Собр. соч. М., 2000. Т. 9. С. 37.

ный язык ее аскетичен, стилевая заостренность сродни сказу.

В историю русской литературы Зуров вошел как автор повести «Кадет» (1928) и романов «Древний путь» (1933), «Поле» (1938). Эти произведения посвящены эпохе русского лихолетья, годам Первой мировой и гражданской войн в пограничных с линией фронта областях, переходящих то к немцам, то к большевикам. Они стали бесценным свидетельством большого художника, запечатлевшего образ Родины на разломе русской истории. Трагический раскол народа, вакханалия братоубийства, когда смерть человека становится заурядным явлением, крушение вековых нравственных устоев — таково содержание его произведений. Сопрягаются, противопоставляются, борются два мира: светлого, чистого и радостного — и насилия, ужаса, террора и крови. Для Зурова характерно широкое, обобщенное изображение исторического времени. Стихийное движение огромных масс людей, панорама «страшных лет» России, экзистенциальная тема человека, захваченного кровавым вихрем истории и пытающегося сохранить свою человечность, свою веру на «трудной земле», особый реализм Зурова, когда отстраненное авторское повествование контрастирует с катастрофичностью совершающихся событий, сила чувственного восприятия мира, конкретность и метафорическое богатство письма — все эти моменты роднят книги Зурова с художественным миром эпопеи М. Шолохова «Тихий Дон».

Но эпический взгляд автора постоянно сопрягает совершающиеся события не только с многовековой историей России, но и с промыслительным действием высших сил. *Православное мироотношение* отличает Зурова от многих его собратьев по перу, в том числе и от Бунина. Это твердая вера в присутствие Бога и Его Промысл, который не всегда постижим человеческим разумом, эта вера в надземный, светлый и тихий Божий мир, в котором рано или поздно окажутся страдальцы и праведники. Частное событие, частная судьба вписываются в высший план. Ничто не случайно, все имеет свою предысторию и, самое главное, имеет свое будущее, а для души человеческой — ее судьба в вечности. Молодые герои Зурова — как правило, люди верующие, в них живет сопричастность некоей радости, Божественной тайне бытия.

Одна из работ о писателе не случайно названа «Леонид Зуров: героика и благочестие». Эти составляющие наполняли и жизнь, и творчество писателя. Зуров публиковался и в послевоенные годы, лучшие рассказы 1930—1950-х гг. вошли в сборник «Марьянка» (1958). Эта книга проникнута поэзией, светом, любовью к православной Родине. Рассказы «Град», «Ксана», «Гуси-лебеди» — несомненные шедевры русской прозы. Непревзойденный стилист, мастер психологических интонаций в изображении характеров и пейзажа, писатель, при всем лаконизме и скрупульности его изобразительных средств, умеет пронизывать свои произведения свежестью лирических чувств. Можно доверять высокой оценке Зурова Буниным: «Подлинный, настоящий художественный талант — именно художественный, а не литературный только, как это чаще всего бывает...»².

Символ России, пошедшей «древним путем» Христа, распятой и погребаемой, видится в Плащанице, к которой приникает герой в finale романа «Древний путь». Писатель полагал, что освобождение России «придет вследствие религиозно-духовного возрождения нашего народа, придет изнутри, и этот процесс возрождения потребует значительного количества времени»³.

Драматично сложилась судьба другого прозаика — **Василия Акимовича Никифорова-Волгина** (1900—1941). В 1930-х годах он жил в Эстонии, где публиковал свои рассказы, статьи, очерки, этюды, лирические миниатюры. Хорошо знавший и любивший православное богослужение, он служил псаломщиком в нарвском Спасо-Преображенском соборе, участвовал в съездах Русского студенческого христианского движения, проходивших в Псково-Печерском и Пюхтицком монастырях. К середине 30-х годов он становится известным писателем в среде всего Русского зарубежья. Сборники православной прозы Волгина «Земля-именинница» (1937) и «Дорожный посох» (1938) потрясли русских изгнанников своей правдивостью и смелостью. Его творчество, как отмечала критика, есть «отражение и отзвук исканий Бога, чистая, горняя мечта по невидимому граду благодати и успокоения»⁴. С приходом большевиков Волгин был арестован и вскоре расстрелян (14 декабря 1941 г.) «за издание книг... антисоветского содержания». Это тот редкий случай, когда писателя

² Россия и славянство. 1929. 12 янв.

³ Кудрявцев В. Дома и в лодке с Леонидом Зуровым // Зуров Л. Ф. Обитель. М., 1999. С. 608.

⁴ Пильский П. [Рец.] // Сегодня. 1938. 8 окт.

лишили жизни именно за православность его книг.

Христианская традиция в его творчестве проявилась в камерных жанрах. Если Зуров — преимущественно эпик, овладевший крупной романной формой, то Волгин — мастер миниатюры, этюда, лирической задушевной прозы. Ее отличают тонкий отточенный стиль, колоритная образность, напевная тональность. Во времена беззаконий, гонений, обрушившихся на родную землю, среди моря человеческих страданий Волгин отыскивает зерна христианской любви, рисует персонажей, которые сохраняют Святую Русь в своем сердце. Это — странники, богохульцы, церковнослужители, юродивые, которые утешают народ, лечат души, очищают сердца. Один из постоянных мотивов прозаика — умиротворение и просветление человека.

Вместе со своими героями автор размышляет «о таинственных путях русской души, о величайших падениях ее и величайших восстаниях, — России разбойной и России веригоносной» («Вериги»). Повесть «Дорожный посох» написана в форме дневника сельского священника, которому довелось пережить войну, революцию, арест, издевательства безбожников, приговор к расстрелу (автор пророчески описал свою собственную судьбу и кончину). В безмятежно-радостные, светлые тона окрашены рассказы цикла «Земля именинница», где мир уведен глазами ребенка, приобщающегося к православию. Христианская вера, церковь являются для Волгина теми опорами, которые придают бытию целостность и гармоничность. Подобно И. Шмелеву — автору «Лета Господня» — Волгин передает поэзию православных праздников, сочетает в своих рассказах яркую, образную простонародную речь с элементами церковно-славянского языка. Замечательные произведения Василия Никифорова-Волгина — трогательные, согретые жаром православной души, пронизанные тихим светом и лиризмом.

Мы назвали имена православных прозаиков, — как видим, все они очень разные. Говорить о христианской традиции в поэзии сложнее: больше роль субъективного начала, велик соблазн самовыражения, многозначное образы, метафоры и, соответственно, трактовки. Тем не

менее православные поэты в русском зарубежье, конечно, были.

Недолгий был творческий путь Алексея Владимировича Гессена (1900—1925), проходивший в Праге и Париже. Его стихи открыли читателю «тонкого романтика, лирика, влюбленного в жизнь, несмотря на все ее невзгоды, истинно православного христианина, черпающего душевые силы в великой вере в Бога»⁵. Молодого поэта отличала высокая духовность, удивительно светлое и чистое видение мира. Самое значимое его произведение — поэма «Горькие травы» (1925), это попытка, по словам Г. Струве, «дать в историческом преломлении, в смене ярких картин, проникнутых историко-идеологическим подходом, генезис русской смуты»⁶, показать проникновение западных идей на русскую почву и то, как они изменяли здесь образ жизни целых поколений. Гессен с нескрываемой душевной болью пишет о том, что на Родине «народ глумится и пляшет, после жатвы лихой осмелев», что «ниви осквернены», а «грешная, проклятая» земля вся в «кровавом дурмане». У беженцев, изгнанников руки «повисли, как плети», а «тела омертвили от ран». В finale поэт молитвенно взывает к Богу о спасении Отчизны: «Дай мне сердце, как воск, и оправь его сталью, / Сделай кротким, как голубь, и сильным, как вол, / Дай увидеть за дымом, за кровью, за далью, — / Нерушимым и славным Твой светлый престол»⁷ и надеется на возрождение родины: «Верь — над проклятой грешной землею / Воссияет Христова Любовь, / Выйдет пахарь — послушной сохой / Подымать непокорную новь»⁸. Обратим внимание: Гессен часто использует образность и стилиевые находки серебряного века, но претворяет их в православные по духу стихи. Так христианская традиция воплощается в формах новой поэзии, классической в основе, но обогащенной находками века XX-го.

Есть в наследии Гессена и стихотворения непосредственно религиозной тематики. Например, о таинстве исповеди — «Страстная суббота»: «Но ты о детской, ясной вере / Устами чистыми молись. / И за церковную ограду / Я проведу тебя в посту, / Где встретит нас людского стада / Благой и Ласковый Пастух»⁹. Или образ православной девушки, редкий по красоте во всей

⁵ Заглоба В. Б. «Нехладеющий жар» поэзии. Лирика Алексея Гессена: учеб. пособие и комментированная хрестоматия по разделу курса «Литература русского зарубежья». М., 2001. С. 5.

⁶ Там же С. 8.

⁷ Там же С. 43.

⁸ Там же С. 44.

⁹ Там же С. 47.

русской поэзии: «Молчаливая, тихая, строгая, / На закате предпраздничных дней / Проходила ты в церковь убогую / Мимо желтых вечерних полей». Соблазнам Вечной Женственности, демонически-соблазнительной, чарующей блоковской Незнакомке здесь противопоставлена красота веры, чистой и глубокой. Героиня находит смысл жизни в религиозном подвиге. И если тургеневская Лиза Калитина уходит в монастырь вследствие несостоявшейся любви, то эта девушка обретает высшую радость в исполнении евангельских заветов: «И великою милостью Божьей, / Как и всякий, кто беден и сир, / У Святого Христова подножия / Обрела ты надежду и мир»¹⁰.

Хорошо знавший поэта Кирилл Зайцев в памятном слове подвел итог творческой судьбе Гессена: «он был нравственным талантом. Не холодным зрителем проходил он через наши грозные дни, <...> в нем происходила огромная внутренняя работа по созданию нового крепкого и светлого миросозерцания. <...> Замкнутый, застенчивый и робкий, он пламенел внутренним огнем»¹¹. Надо ли уточнять, что имеется в виду православное миросозерцание.

Поэт **Сергей Сергеевич Бехтеев** (1879—1954) во многом противоположен Гессену, но объединяла обоих глубокая вера. Жизненный путь Бехтеева продолжался 75 лет. С юности и до конца дней он оставался верен стержневой своей теме — воспеванию и чаянию Православной монархии. В среде эмиграции, где сильны были антимонархические настроения, Бехтеев оставался убежденным почитателем Государя. Еще до эмиграции Бехтеев написал стихотворения «Молитва», «Святая ночь», «Боже, Царя сохрани», «Россия», которые переслал в Тобольск находящемуся в заключении Николаю Александровичу и его семье. Первоначально авторство «Молитвы», найденной в бумагах Царственных мучеников, приписывали одной из великих княжон. Строки этого стихотворения, одного из самых сильных и пронзительных в лирике Бехтеева, были широко известны в среде эмиграции и обрели второе звучание в России 1990-х годов: «Владыка мира, Бог вселенной! / Благослови молитвой нас / И дай покой душе смиренной / В невыносимый смертный час... /

И у преддверия могилы / Вдохни в уста твоих рабов / Нечеловеческие силы / Молиться кротко за врагов!»¹². Эти строки часто цитируются, но почему-то почти никогда не называют фамилию их автора — духовного поэта Сергея Бехтеева. Образ Царя-страстотерпца занимает особое место в его творчестве. Пророческие строки находим в стихотворении «Святая ночь», написанном в канун Рождества 1918 г. «Искрятся звезды, горя, / К окнам изгнанников льнут, / Смотрят на ложе Царя, / Смотрят и тихо поют: / „Спи, Страстотерпец Святой, / С кротким Семейством Своим; / Ярким венцом над Тобой / Мы величаво горим“»¹³. В дни, когда царская семья находилась в заточении и никто не мог знать их будущую судьбу, Бехтеев формулирует то самое определение, которое спустя много десятилетий прозвучит во время канонизации «святых страстотерпцев», увенчанных венцом мученичества. Его убежденность в том, что Государь будет прославлен святым, отчетливо выражена и в стихотворении 1922 г. «Виденье дивеевской старицы».

Бехтеев активно участвовал в церковной жизни эмиграции. Он был старостой храма Державной Божией Матери в Ницце, соорудил иконостасы и украсил интерьеры основного храма и придела св. Серафима Саровского. Как Л. Зуров и И. Шмелев, Бехтеев — поэт русской Голгофы. Говорят сами за себя названия сборников его стихов «Песни русской скорби и слез» (1923), «Песни сердца» (1927), наполненные тревожно-скорбными интонациями: «И наши дни мятущегося ада, / В дни торжества неслыханного зла, / Из потонувшего в пучинах Китежграда / Подземные гудят колокола»¹⁴. За два года до своей кончины поэт завершил издание итогового сборника в четырех выпусках «Святая Русь». Среди них — посвященные святителям Русской земли Сергию Радонежскому, Серафиму Саровскому, Иоанну Кронштадтскому. Стихи Бехтеева пронизаны болью за поругание православной веры и порушенных святынь — Иверской часовни, храма Христа Спасителя.

Гражданская православная монархическая поэзия Бехтеева по форме близка классическим образцам XIX в., наследует и развивает высокие традиции пушкинской, лермонтовской, тютчевской, некрасовской лирики. Народ предстает

¹⁰ Заглоба В. Б. «Нехладеющий жар» поэзии. Лирика Алексея Гессена: учеб. пособие и комментированная хрестоматия по разделу курса «Литература русского зарубежья». М., 2001. С. 47.

¹¹ Там же. С. 22.

¹² Бехтеев С. С. Грядущее: Стихотворения. СПб., 2002. С. 103.

¹³ Там же. С. 96.

¹⁴ Там же. С. 376–377.

в его стихах и как жертва, и как виновник: «Многогрешная, мятежная страна. / Я ль тебе укор позорный брошу, / Осужу ль страданий крестных ношу? <...> Для меня ты в язвах и нагая / Та же Русь — родимая, святая, / Во Христе юродивая мать, / Не сумевшая в соблазнах устоять» («На чужбине»)¹⁵. Но уверенность поэта в грядущем восстановлении православной веры была непоколебима. Она выражена в стихотворениях «Грядущее», «Верую», «Царская Россия». Поэт восклицает: «Я говорю через века / С грядущим новым поколеньем», которое, как убежден автор, «полюбит древний быт / Святой страдальческой России / И снова храмы воскресит / Для православной Литургии» («Внукам»¹⁶). Поэтическое наследие Бехтеева дает образцы высоконравственного, самоотверженного служения традиционным ценностям и святыням России.

Наконец, скажем об авторе, который работал в жанрах, пограничных между художественной и документальной литературой (очерки, записки путешественника, мемуары). Речь идет о **Владиславе Альбиновиче Маевском** (1893—1975). Первая его книга «Путевые наброски» (1913) была посвящена впечатлениям от поездок в Турцию, Сербию, Черногорию и Далмацию. В ней Маевский заявил о себе как о поборнике славянского единства и его основы — Православия. С началом Первой мировой войны писатель, разрабатывая патриотическую тематику, издал в Москве сборник статей «Великая Россия и героическая Сербия» (1914), призывающий защищать общеславянские ценности.

В эмиграции Маевский работал библиотекарем в Патриаршей библиотеке, окончил богословский факультет Белградского университета, стал секретарем Сербского патриарха Варнавы (воспитанника Петербургской Духовной академии). Позже он написал капитальный труд «Русские в Югославии: Взаимоотношения России и Сербии» (1960; 1966). Маевский часто посещал православные святыни в Югославии и за ее пределами, трижды побывал на Афоне. Свои впечатления от встреч с обитателями Святой Горы он отобразил в книгах «Иверская Богоматерь» (1932), «Святая

гора» (1936), «Неугасимый светильник» (1940) и особенно в художественных произведениях: «Афонские рассказы» (1950), «Афон и его судьба» (1969). «В двух последних книгах Маевский проявил себя как даровитый прозаик, в совершенстве владеющий изящным стилем, — пишет первый и пока единственный исследователь его творчества А. Н. Стрижев. — Его проза исполнена тонких переживаний, динамична, насыщена мудростью и лиризмом. В ней угадывается талант крупного художника. Таких книг об Афоне еще не было, оттого-то они и полюбились читателям. <...> Как поэт Маевский заявил о себе сборником стихотворений „Искры“, изданным там же десятью годами раньше. Стихи его негромки, основная тема — героизм, родина, любовь»¹⁷.

Дарование писателя-мемуариста проявилось в воспоминаниях Маевского о Шмелеве, которые вошли в подготовленный им же сборник «Памяти И. С. Шмелева» (Мюнхен, 1956). Литературный портрет писателя исполнен в теплых, сердечных тонах. О том, как создавался Шмелевым роман «Пути небесные», рассказала в том же сборнике жена Маевского, Елена Петровна Охотина-Маевская.

Мы вспомнили имена нескольких писателей русского зарубежья. Как видим, все названные художники очень разные. Но все эти литераторы — православные, они развивали в своем творчестве именно христианскую традицию, ибо духовная основа их творчества — православная вера. Она была присуща и их авторам лично, и проявлялась в мировоззренческом, философском, религиозном плане их сочинений. В их книгах, таким образом, запечатлен успешный опыт эстетического освоения духовной реальности.

Мы не назвали других имен, которые, несомненно, были. Полузабытые сегодня, они ждут своих исследователей. Да и в изучении названных предстоит еще многие открытия — слишком мало мы пока знаем об их жизни и их наследии. Но несомненно одно: эти художники доказали, что полноценная православная художественная литература может существовать, не утрачивая ни своей художественности, ни своей верности христианской истине.

¹⁵ Бехтеев С. С. Грядущее: Стихотворения. СПб., 2002. С. 306.

¹⁶ Там же. С. 406.

¹⁷ Стрижев А. Н. Православный прозаик Владислав Маевский // Стрижев А. Н. Собр. соч.: В 5 т. М., 2007. Т. 3. С. 334.